

с 1992 г.
к Т41
11619-к.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЕНИАМИН ТИМАКОВ
ЮМАНЗАР

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ •

Папоротник

(Поэма)

Как странно, что в душе не меркнет сказка,
Пусть отделяют детство сотни верст,
Опять иду, как будто по подсказке,
В тот темный лес, где папоротник рос.

Немало разных трав на белом свете,
Но отчего же он так близок мне,
Издаюлка цветком волшебным светит
В далекой незабытой стороне?

Там детство босоное срывало
В нелегкие военные года
Крапивные ростки,
и обжигала
Нам руки эта нищая еда...

Благословенны заросли крапивы,
Борщевник, так же будь благословен!
Мы, горе пережив, остались живы
Среди родимых деревянных стен.

Забуть об этом как бы ни пытался,
Но — в том признаться нынче не боюсь —
Он навсегда в душе моей остался,
Вареных трав
тот горько-кислый вкус.

И папоротник летней душной ночью,
Когда свой семик празднует народ,
Вдруг выбросит на стебельке цветочек
И раз в году внезапно зацветет.

Волшебный свет от нежного пыланья
Навеки в сны тревожные вошел:
Опять хочу заветное желанье
Произнести,
пока он не отцвел.

* * *

Помню, несмышлениш малолетний,
Заблудился я в лесу густом.
По лицу меня хлестали ветки,
Дикий зверь таился под кустом.

Обступали чудища лесные.
Я бежал, не ведая пути.
Била дрожь. Босые ноги стыли.
Птицы не могли меня спасти.

Страшно одному в лесу остаться,
Криком рвать тугую тишину.
Дуб водил по небу черным пальцем,
Будто бы по черному сукну...

«Никогда не выбраться отсюда», —
Думал я,
ища в лесу просвет.

Сон ли,
явь ли,
но случилось чудо:
Голубой во тьме разлился свет.

Папоротник цвел.
И в зыбком свете
От его волшебного цветка
Стали голубыми листья, ветки
И моя дрожащая рука.

Я глядел, сдержать не в силах дрожи,
Будто на чудесную свечу.
Вспомнил я, цветок исполнить может
Все, что загадаю,
захочу.

Что просить:
как выбраться из леса?

Нет!

— Пусть к нам с войны придет отец! —
Темноты тяжелая завеса
Рухнула на землю наконец.

Освещен прозрачной тишиною
Из-за дальних гор, полей и рек
Шел ко мне с улыбкою родною
В детском сердце живший человек...

И напрасно плачет мать ночами.
Вот — отец.

Я рядом с ним иду.
Над его высокими плечами
Вижу я счастливую звезду.

Он обнимет ласково за плечи,
И не станет горя и обид.
...Я совсем его не слышу речи,
Только знаю, что он говорит...

* * *

Отец, отец, солдат кровавых войн,
С той, мировой,
 домой вернулся чудом
С обритой в лазарете головой.
Но к жизни страсть ты не держал под спудом.

Когда родные плакали навзрыд,
На шею висли, отводил руками
И говорил:
 — Не плачьте, не убит,
Не инвалид. Теперь навеки с вами.

Навеки с нами.
 Будет по сему!
Всею свое и время есть, и место.
Заколыхались песни по селу,
Заулыбались юные невесты.

Но свадьбу не пришлось играть тебе:
Прикладами стучались в наши двери
Помехою в твоей большой судьбе
Полки чужих воинственных империй.

Не время петь, на свадьбе пить вино,
Не время стать влюбленным юным мужем...

Тебе опять оружие дано,
Ты вновь — солдат, родному краю нужен.

* * *

Далеко в чужом краю
Парня ранили в бою.
На цветущей Украине
Вспомнил родину свою.

Путь-дорога далека
До родного камелька.
Под высоким небом синим
Повстречать бы земляка.

Оглянулся: вот так-так!
— Здравствуй, Хведер, мой земляк!
— Здравствуй, Петер, — отвечает. —
Закури — вот мой табак.

Разговор ведут бойцы,
Не мужья и не отцы,
А солдаты той, гражданской,
С дальней Волги молодцы.

Путь-дорога далека,
Вместе били Қолчака,
Вместе Врангеля рубили,
Может, хватит на пока?

Может, хватит на пока?
Перевязана рука,

С костылем другой шагает,
Путь-дорога далека...

* * *

Ты идешь по родному селу
Молодой, светлолицый, высокий.
То для стройки наладишь пилу,
То косою размахнешься в осоке.

То артель создаешь, то везешь
Всем с базара обновы в бауле.
Но однажды: «Когда ты придешь?» —
Тебе девичьи губы шепнули.

Свадьба, свадьба, гуляй и шуми,
Ведь всему свое время и место...
За закрытыми крепко дверьми
Опустила ресницы невеста...

...Все сбылось, чего ждал и хотел:
Дом, достаток, жена молодая.
Много новых задумано дел
Для людей, для родимого края!

* * *

Но снова горе — на порог:
Война.
Опять вставать солдату
В солдатский строй.
Вновь грязь дорог.
Топтать, как он топтал когда-то...

По лавкам — дети. Не понять
Им, что отцу — с врагом сражаться...
То теребят за платье мать,
То норовят к отцу прижаться...

Прижать по очереди всех
К своей груди.
Как сердце бьется!
Пусть навсегда ребячий смех,
Как воля к жизни, раздается!

«На фронт, на фронт, на фронт...» —
состав

Стучит колесами бессонно.
За окнами — разливы трав,
Деревьев солнечные кроны.

На фронт, на фронт, на фронт — в огонь...
За окнами — вокзалов тени.
И плачет тихая гармонь
У гармониста на колене...

...Снегами белыми пыля,
Зима проселки побелила.
И только курская земля
Укажет, где твоя могила...

Над ней сегодня дятла стук —
Там вырос лес на пепелище...
То всхлипнет иволга, то вдруг
Весенний соловей просвищет.

Во всем, что дышит и живет,
Глядит на землю добрым взглядом,
Ты — мой отец.

За годом год
Идут, а ты, как прежде, рядом.

В моих словах, в моих делах,
Делах села в судьбе народа.
И память о тебе светла,
И ты все ближе год от года.

* * *

Передо мной открылась высота,
Где много ждет удач и неудач.
Мне мама сшила сумку из холста —
В ней книги и тетрадь и карандаш.

Как гордо я иду в свой первый класс!
Как робко я иду к большой доске!
Как путаю слова, ведя рассказ,
Сжимая мел в вспотевшем кулаке!

Указка непослушна и длинна...
Как много раз я плакать был готов
Перед тобой, великая страна,
Блуждая в многоточье городов!

Я, несмышлениш, выросший в лесу,
Повадки знавший и зверей, и птиц,
Так неумело рисовал лису
И так нелепо рисовал синиц!

Но был учитель строг и терпелив.
Он, как волшебник, делал чудеса.
И поняла указка, где залив,
Где город, где дремучие леса.

Вел линию в тетрадке карандаш,
Выстраивались буквы в слова...
От первых неожиданных удач
Восторженно кружилась голова.

Однажды ночью мне приснился сон:
В глухом лесу я оказался вновь,
Деревья на меня со всех сторон
Шли,
и рычали звери из кустов.

Вдруг папоротника голубой цветок
Рассеял тьму и ярко запылал,
Отчетливо и громко я, как мог,
«Желаю стать учителем!» — сказал.

Вмиг предо мной раскрылся светлый класс,
Где тридцать пар настороженных глаз...
Я вздрогнул и проснулся,
и тотчас
Цветок волшебный в сладком сне погас...

* * *

Ведут по стенкам тени перепляс,
Толкаются, как малые ягнята.

Я в эту полночь не смыкаю глаз,
Она свеченьем радостным объята.

В мельканье быстром света и теней,
Смешались для меня зима и осень.
И светлый образ матери моей
«Усни, сынок», — тихонько произносит.

Но тут ко мне подходит Дед Мороз.
Я жду чудес и радостных открытий.
Мороз узор таинственный нанес
На наши стекла
из тончайших нитей.

— Зачем мне эти пальмы? — говорю. —
Ты что-то спутал.

Я лежу в постели.
Мне холодно. И ясную зарю
Завесят беспокойные метели...

— Дитя, — он отвечает мне, — поверь,
Суров январь, но чтоб теплее было,
Вот эта пальма пышная теперь
Твое окно холодное закрыла.

Да, за окном твоим дрожит ветла.
Да, провода провисли и застыли.
И далеко до летнего тепла,
До мягких трав и до горячей пыли.

Деревня стынет в голубом снегу,
И долго-долго будут выть метели...

Я скуку стужи в санки запрягу,
Чтоб на ее санях везти веселье.

Меня слепил жар-птицы алый цвет,
Я в жажде припадал к реке молочной,
Держал в ладонях золотой ранет
И по луне ходил минувшей ночью...

— Все это — сказки!

Это я слышал

От бабушки: всю ночь сиди и слушай...—

Но Дед Мороз мне возразил:

— Ты мал,

А жизнь прекрасней сказки самой лучшей.

Когда крылата смелая мечта,
Когда сердца не тянутся к покою,
Тогда любая станет высота
Доступной, как тетрадка под рукою.

И я затих.

И стало мне тепло.

И вой метели превратился в шорох.

И папоротник все закрыл стекло,

И голубой цветок возник в узорах...

* * *

По золоту осеннему пешком,
По тропке, огибающей деревья,
С холщовым, сшитым мамою мешком,
Мы ходим в школу в дальнюю деревню.

В пятнадцать лет нам кажется,
пока
Идем шурша травой и листвою,
Река Сугутка слишком велика,
И так похож борщевник на секвойю.

И двадцать верст, как ни были б длинны,
Идем, ведем беспечно разговоры.
Но там зимой,
среди снежной белизны,
Сугробы неприступные, как горы.

В котомке хлеба свежий каравай,
Легка одежка и худа обутка.
Друг другу мы кричим:
— Не отставай,
Не потеряй из виду первопутка!

Но иногда хотелось мне отстать
И одному пройти по тем полянам,
Где птичий след и где дубы под стать
Непобедимым гордым великанам.

Озябшая синица пролетит,
Жемчужный иней сбросит с веток тонких.
Такой голодный у бедняги вид:
Вытряхиваю крошки из котомки.

И снова осень — праздник золотой.
И я один на солнечной поляне.
Сверкнет калина ягодой литой,
Рябина гроздью спелую поманит.

И папоротник желтые листы
Резным шатром над головой раскинет.
И глаз не отвести от красоты,
И на губах горчащий вкус рябины...

Я думал, как мне краски отыскать
В родной, звучащей от рожденья речи,
Чтоб красоту земную передать
На языке доступном, человечьем?

Казалось мне, беспомощен язык,
Слова бесцветны, как земля в тумане.
Но вот во сне опять цветок возник,
И я успел сказать свое желанье.

Цветок ответил: «Все в твоих руках.
Но путь нелегкий в жизни избирая,
Забудь про неуверенность и страх.
Иди дорогой без конца и края».

* * *

Двадцать лет с той поры пронеслось,
А иные — длинней, чем века.
Сколько горьких заглотано слез —
Так дорога была нелегка.

Но опять в этот солнечный день
Среди яркой травы-муравы
Я набрел на источенный пенек,
На котором живут муравьи.

Снова кажется, тронешь его,
Он рассыплется, станет трухой.

Ну, а так вот — стоит, ничего,
Подо мхом и под хвоей сухой.

И еще постоит. А над ним
Дуб раскинул резную листву...
Все здесь связано с детством моим.
Лет минувших назад не зову.

Но так близок мне шорох ветвей,
Так понятно шуршание трав!
Лес в душе отразился моей,
Будто в зеркале, время поправ.

Как ягненок, блуждаю в лесу
Без протоптанных тропок-дорог.
Но как в детстве, в ладонях несущу
Тот заветный волшебный цветок...

* * *

Сказал: цветок. И сказка оживает.
И папоротник вырос предо мной.
Упруга и хрупка листва живая
Под летнею полдневной тишиной.

Как вышивки иных тысячелетий,
Узоры листьев.

Стебли так сильны.
Он знает все, что видел я на свете,
Чем дни мои, мечты мои полны.

Я дом не строил, я не метил бревен,
Среди борцов не получал призов,

Не вел корабль,
но в строчке,
в каждом слове
Я каждый раз все начинал с азов.

Моя изба — мое стихотворенье.
И если мне удастся хоть строка,
То жизнь моя скользнет не просто тенью,
А отсветом волшебного цветка.

И если та строка нужна кому-то
Для радости, любви и чистоты,
Я всей душой поверю в ту минуту:
Не зря цветут волшебные цветы.

Стихи о Михаиле Сеспеле

1. *Миражи голода*

О, двадцать первый год двадцатого столетья!
Ты — в памяти людей, осиливших тебя...
Качается земля. Как свечи, гаснут дети.
Шагает смерть с косою, все руша и губя.
«О, если есть ты, бог,
 за желтизной и зноем,
За пыльной пеленой,
 над стоном наших мук,
Что стоит тебе, бог
 (иль мы того не стоим?!),
Махнуть рукой —
 и дождь из щедрых бросить рук?
Пошли нам чудо, бог,
 пусть Волга встанет дыбом
И рухнет на поля
 и напонт поля.
Ты видишь, бог,
 земля дымит горячим дымом.
Ты видишь, бог, мертва,
 вся в трещинах, земля.
О, если есть ты, бог,
 ты зол и беспощаден...
Взгляни на плети рук,
 на кожу черных щек...»
И человек упал.
 И пыльный зной во взгляде.
О, если есть ты, бог, чего тебе еще?!